

Deni Vrai

ДОПДЕЛЬ

Афганец

18+

Deni Vrai

Доппель. Афганец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28742005

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-1946-8

Аннотация

Вернувшись из Афганистана, Павел погружается в мирную жизнь. Женится, работает, ждет пополнения в семье. Но однажды он оказывается свидетелем расправы, устроенной беспощадным убийцей. Для Павла, бывшего бойца элитного подразделения глубинной разведки, найти таинственного палача становится новой боевой задачей.

Содержание

1972 год	4
Глава 1	26
Три воспоминания	26
Глава 2	63
Четвертое воспоминание	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

1972 год

Черная «Волга» Газ-24 шла медленно. Предрассветный час самый спокойный в городе, высятся каменные дома, вспыхивают холодным лунным огнем черные окна. Опытным взглядом пассажир оценивал расстановку сил, отмечал посты и их готовность. Водитель так же знал о тайных и явных постах и должен был обозначать свой статус, ударяя в темноту дальним светом одной фары – старый надежный способ подтверждения принадлежности машины «конторе».

Машина плыла по Проспекту Карла Маркса в сторону Большого Каменного моста. В салоне пахло кожей и бензином. За этот запах механик уже получил отповедь от старшего по смене, но день был такой, когда мелочам уделяют мало внимания. Масштабная операция, что селевой поток, наваливается, обволакивает и увлекает всех, кто о ней знает. У всех в душе появляется чувство общего дела, вовлеченности, важности самих событий и своего в них участия. Даже объяснения механика звучали ни как обычно – с позиции напрасно обвиняемой правоты, а именно виновато, покорно. И заявление, что хотел, как лучше, что решил провести дополнительную проверку, что тряпка, брошенная на сидение, пропитала запахом салон, выглядело не столько самооправданием, сколько отчетом о проделанной важной работе.

Машина прошла станцию метро. Из темного, предрасветного неба наплывала колоннада дома на холме. Здесь было два поста. Оба скрытых. Эта «Волга» должна была стать третьим, открытым. Машина вильнула вправо, затем колеса выкрутились влево. Качнувшись и взвизгнув тормозами, «Волга» остановилась поперек проспекта. Стих двигатель, погасли фары.

Кроме черной «волги», вокруг не было ни одной машины. Маршрутный транспорт еще не начал работу, пешеходов не было, и быть не могло. Этим вопросом занимались посты на перекрестках.

Едва двигатель стих, звуки внутри салона стали громче, отчётливее. Водитель пошевелился, кашлянул, поправил пиджак. Пассажир повернул голову, посмотрел в окно, взгляд его медленно прошел по криво изрезанному крышами домов небу. За большим Каменным мостом, за домами Волхонки, где-то далеко за горизонтом уже встало солнце, там первые лучи пробирались в окна, будили людей заглядывали к ним под одеяла. Но здесь... пассажир опустил глаза, здесь ещё стояла ночь. Темно и тихо было вокруг.

Сидящие в Волге до этого дня знакомы не были. Они были разными людьми, они думали по-разному, они оценивали происходящее вокруг по-разному. Но сегодня мысли их сходились во многом. Они оба успели подумать о том, что чем секретнее операция, тем меньшей информацией владеют исполнители. Вне зависимости от уровня подготовки и статуса.

Оба они получили краткую вводную, обоим была поставлена ясная и четкая задача, было выдано специальное оружие. При этом цель операции, ее масштабность, основные задачи, определены не были. Даже в том, что касалось «объекта», информация была скудна и однобока. Все, что было известно этим людям, можно было выразить в нескольких словах. Они должны убедиться в том, что рядом с местом проводимой операции нет посторонних глаз. Провести зачистку по завершении. При этом описания объекта у них не было. Что делать со случайными свидетелями, если они вдруг просочатся, не уточнялось. Уровень зачистки, по завершении операции не был обозначен.

Щелкнув и зашипев, подала признаки жизни рация. Веселым голосом она сообщила:

– Привет Вася. Спокойный сегодня денёк. Я скоро заканчиваю дежурство.

Оба человека в Волге синхронно посмотрели на свои наручные часы. Пассажир коснулся колесика и слегка сдвинул секундную стрелку. Рация перестала шипеть, и оба вновь замерли, глядя в окно. Свет покидающей небо Луны, коснулся щеки одного из мужчин. Спокойное, с тёмным непроницаемым взглядом, лицо было неподвижно, только слегка поигрывали желваки на скулах. Луна скрылась за облаками, погрузив город в ночную мглу.

– Сань, ты-то долго еще на дежурстве? – Вновь ожила рация.

Оба мужчины остались неподвижны. Только когда мину- ты через две из рации послышался ответ – "Ещё минут де- сять", мужчины вновь синхронно посмотрели на часы. По- ведение их изменилось. Если до этого они сидели неподвиж- но, глядя в одну точку, то теперь головы их поворачивались, и они внимательно всматривались в каждую тень, в каждое здание, особое внимание уделяя темным окнам жилых квар- тир.

– Всё, пять минут и домой. – Сообщила рация.

Не глядя на напарника, пассажир Волги открыл дверцу и вышел на улицу. Он не крутил головой, глядя прямо пе- ред собой, спокойным шагом направился к ближайшему зда- нию. Подойдя к невысокому особняку дореволюционной по- стройки, свернул за угол в сторону внутреннего двора, оста- новился. Постояв пару секунд, он повернулся к телефон- ной будке, открыл задрезавшую массивную дверь, во- шел внутрь и снял трубку телефона. Он ничего не говорил, только слушал. Отыграв эту странную немую сцену, повесил трубку на рычаг и полез в карман. Одним ловким движене- ем достал складной ножик одновременно открыл его и лег- ким отработанным движением перерезал провод телефона. Прделав все эти действия, мужчина спокойно вернулся к машине, сел на сиденье и закрыл дверцу.

Ещё через пару минут рация весело сообщила, что дежур- ство прошло спокойно. Говорившего из динамика, особенно радовало то, что на время дежурства сложилась очень хоро-

шая погода. Весело пожелав удачи своему невидимому собеседнику, голос скрылся среди помех. Рация поскрипела еще несколько секунд и успокоилась окончательно.

Мужчины в Волге вновь действовали синхронно. Оба полезли во внутренние карманы, медленно и деловито достали оружие, проверили предохранители, наличие патрона в патроннике. В действиях их не было нервозности, не было суеты. Достав и проверив оружие, они сидели так же спокойно и неподвижно. Правые руки обоих были опущены между колен. Левые, согнутые в локтях находились перед глазами. Оба человека внимательно сопровождали движение секундной стрелки по кругу на циферблате. В одно и то же мгновение опустили левые руки, подняли глаза и теперь внимательно следили за домом напротив машины.

Он появился со стороны двора, бежал стремглав, не разбирая дороги не глядя по сторонам, он несся из всех сил, какие были даны его молодому организму. Выскочив из тени двора, заметил стоящую поперёк проспекта Волгу. По инерции сделал еще несколько шагов и остановился. В ту же секунду в машине открылись обе дверцы и на улицу вышли две высокие крепкие фигуры.

Беглецу на вид было не больше десяти лет. Ребенок был невысок, узкоплеч, он не доходил и до середины груди каждому из стоявших напротив мужчин. Мальчишка кинулся в сторону, вновь вернулся обратно, посмотрел в сторону двора, повернул голову и вновь воззрился на мужчин. Сделав к

ним шаг, он вдруг заплакал и повалился на колени.

Мужчины наблюдали неподвижно. О том, что происходящие ввело их в замешательство, можно было догадаться по короткому взгляду друг на друга. Это взаимное переглядывание смутило их ещё больше, и они быстро отвернулись. Вновь оба смотрели на мальчишку. Тот в свою очередь продолжал рыдать, низко склонившись к самой земле и обхватив голову руками. Сквозь стенания слышалось:

– Помогите.

Некоторое время мужчины продолжали неподвижно наблюдать. Затем один из них двинулся вперёд. Реакцией на движение первого стало движение второго. Но второй пошел не следом, а в обратную сторону. Он отступал ровно столько, чтобы оказаться на уровне края багажника. Сделал один шаг в сторону и дальше наблюдал за картиной, из-за машины.

Ребёнок стоял на коленях захлебываясь плачем и бессвязными словами. Он не видел, ни как к нему приблизился мужчина, ни как тот внимательно изучив его самого, поднял голову и посмотрел ему за спину. Ни того, как рука с пистолетом, сначала нацеленная ему в лоб приподнялась и взяла под прицел тёмное нутро двора. Ничего этого он не видел. В свою очередь мужчина, приблизившись к ребёнку вплотную и переведя внимание на двор за его спиной, не заметил как плач ребенка тонкий и заунывный перешел в сдавленное хрипение. Наполненное подвыванием рычание.

То, что происходило дальше, происходило стремительно.

Одним коротким движением мальчик выбросил вперед руку, которая угодила точно между ног стоящему рядом мужчине, и с силой сжал пальцы, не разжимая их, отдернул руку обратно. Мужчину тряхнуло, как от удара током. Следующим движением мальчик всем своим маленьким весом нанес удар по руке мужчины державшей пистолет. Однако этого было мало. Пальцы обученного убийцы не разжались, и оружие осталось в руке. Но мальчишку это не остановило. Он схватил эту руку своими тонкими пальцами, притянул к голове и впился зубами в запястье всей силой челюстных мышц. Мужчина взвыл.

Напарник мужчины, стоявший за машиной, оценил ситуацию, присев на корточки, вытянув вперед руку с оружием, подхватив ее второй рукой, он тщательно выцеливал противника. Но кроме напряженной спины напарника ему ничего не было видно. Он ничего не говорил, не гримасничал, лицо его было спокойно и решительно. Борьба напарника с мальчишкой тем временем продолжалась.

Как разыгравшаяся кошка вцепляется в руку своего хозяина так мальчишка, повисший на руке, не разжимал зубы. Мужчина подбрасывал, швырял его о землю, пытался нанести удар свободной рукой, ничто не помогало. Челюсти мальчишки сковала мертвая хватка. Возможно, если бы у мужчины было время подумать и оценить ситуацию, он поступил бы иначе. Достаточно было развернуться, подставив мальчишку на линию огня напарника. Можно было просто

придавить его ногой к земле и вырвать из зубов свою руку. Да просто сломать его тонкую шею одним коротким, отработанным движением. Десятки вариантов могли бы быть использованы, будь у мужчины время сориентироваться, и не заливай его мозг волна стремительной выжигающей боли. Вместо всех этих вариантов он выбрал самый простой и доступный. Он попытался перехватить пистолет левой рукой. Мальчишка словно ждал этого момента. Когда онемевшие дрожащие залитые кровью пальцы мужчины разжались, отдавая оружие второй руке, мальчишка разжал зубы и всем весом кинулся в сторону пистолета.

Давая себе отчет в потере инициативы, мужчина не стал догонять вырвавшегося мальчишку, а просто отскочил в сторону. Напарник мгновенно оценил ситуацию. Ему не требовалось долго целиться. Надо было только надавить спуск. Ударный механизм воспламенит порох, и пуля из безгильзового патрона нанесет сокрушительный удар в лицо мальчишки.

Палец надавил спусковой крючок. Вспыхнул порох. Глушитель не дал звуку порохового взрыва распространиться над улицей. Молча подпрыгнул тяжёлый пистолет, шелкнув как зубами затвором. Особенностью этого разработанного специально для КГБ оружия была низкая начальная скорость пули. Такое оружие отличает очень низкое останавливающее действие. Но в руках обученного специалиста по устранению этот недостаток не имеет решающего значения.

Есть три места на теле человека, поражение которых приводит к мгновенному останавливающему действию при любой скорости. И одним таким местом является голова. И именно в это место пришла выпущенная этим ранним летним утром пуля.

Палец мужчины так и не запустил спусковой механизм. Руки его расслабились, голова упала на грудь, ноги подогнулись. Тело мягко завалилась набок. Второй мужчина, сжимающий кровоточащую руку, с ужасом перевел взгляд со своего погибшего напарника в сторону мальчишки. И в следующее мгновение пистолет вновь подпрыгнул в тонких детских ладонях.

В то время как у Боровицкой разворачивалась эпопея со стрельбой, с другой стороны от Каменного Моста, по улице Дмитрова приближалась еще одна машина. Странного вида, отдаленно напоминающая "Победу". У неё была закруглённая задняя часть и длинный капот. Однако этим сходство и ограничивалось. В отличие от обычной гражданской машины у этого автомобиля не было окон. Там где должно было быть лобовое стекло, красовались сплошные листы с прорезями для обзора. Тоже было и с окнами дверей. Эта машина не имела названия, только серию: БА – СПЕЦ-М. Созданная на базе броневедомства времен войны она имела вид городского автомобиля.

Броневедомство специальный модернизированный. От

своего прототипа унаследовал только бронирование. У него не было верхней пулеметной башни. Был заменён двигатель, полностью изменена ходовая часть.

Высокие колеса с грубым протектором медленно катились по улице Димитрова. Внутри находилось два человека. За рулем был отставной полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Сидевший рядом мужчина звание имел значительно ниже, нежели его водитель. В документах он числился как отставной Гвардии Капитан отдельной стрелковой роты. А в нынешнее время служил в НИИ "СРЕДМАШ", где заведовал научной лабораторией.

– Как вы хоть что-то видите? – Завлабораторией приблизился к смотровой щели и попытался разглядеть улицу.

– Приемлемый обзор. – Полковник посмотрел на пассажира. – К тому же это была ваша идея.

– Да, моя. – Пассажир откинулся на спинку и погрузился в изучение лежавший на коленях карты. В салоне было темно, поэтому одна рука пассажира была занята фонариком, желтым рассеянным лучом выхватывающим отдельные области карты.

Голова полковника находилась в постоянном движении. Для увеличения обзора нужно было менять угол. Ему это не мешало, но со стороны он выглядел комично. Постоянно крутил головой, то нагибаясь вперед, то вытягивая шею и глядя сверху вниз. Это было похоже на странный танец неиз-

вестного племени, или сложное гимнастическое упражнение для разминки шеи. При этом руки и спина полковника не двигались.

Бронеавтомобиль вывернул к мосту. Двигатель увеличил обороты, заливая салон новый волной тяжёлого гула.

– Второй пост, движение. – Сообщил полковник.

Завлаб машинально подался вперёд, тут же вернулся обратно и ещё внимательнее уставился в карту.

– Скоро узнаем, на что способны ваши заплечных дел мастера.

– С мальчишкой справятся. – То ли с недовольством, то ли с плохо скрытой тоской ответил полковник.

– Может быть, может быть, – неясно пробормотал завлаб.

Броневик преодолел мост и скатился к площади у Боровицких Ворот. Пересекая площадь, он сбавил ход, едва свернув на проспект Карла Маркса, и вовсе остановился. Полковник прильнул к смотровой щели, полоска света выхватила сведенные брови. Коротко глянув на полковника, завлаб тоже подался вперёд. Рука полковника потянулась к ручке двери, но завлаб остановил его:

– Двери не открывать, – скомандовал он. – Продолжаем движение. Объект угнал машину, у нас мало времени.

Полковник повернул голову, некоторое время внимательно изучал завлаба. Ничего не ответив, он включил передачу и надавил акселератор.

Завлаб вернуться к изучению карты.

– Давайте по проспекту.— Отдал он новую команду.

Большие колеса броневика вывернулись, автомобиль дрогнул и, обойдя два неподвижно лежащих тела, двинулся вдоль проспекта.

– Первый пост первого периметра полная потеря личного состава.— Прощедил полковник, отдавая должное установленному порядку.

Через некоторое время он сообщил:

– Первый пост второго периметра полная потеря личного состава.

Завлаб скрючился над картой, лежавшей у него на коленях. Он переложил фонарик в левую руку, правую вооружил карандашом и делал на карте пометки. В ответ на последнюю поступившую от полковника информацию сделал пометку, потребовал уточнений:

– Подробнее.

– Два тела. Расположены поперёк возможного движения в сторону площади Дзержинского.

– Продолжаем движение в сторону площади Дзержинского.

– Так точно.

Бронеавтомобиль прибавил скорость. Полковник сделал это машинально без запроса на разрешение. Не давая себе в том отчета, полковник уже всем телом приблизился к лобовой броне и неотрывно рассматривал дорогу через щель обзора.

– Попытка блокирования при въезде на улицу Дзержинского, – сообщил он.

– Потери?

– Трое пеших, один автомобиль с группой.

Завлаб подsunул руки под карту, лежащую на коленях, чтобы приподнять ее края и на пол не упали фонарик и карандаш. Также как и полковник, он прильнул к смотровой щели. Ему не потребовалось много времени, чтобы оценить увиденное. Он отдал короткое и ясное распоряжение:

– Идём прямо по Дзержинского. Прибавьте скорость.

И вновь броневик тряхнуло детонацией. Приподняв свою остроносую морду, навалившись грузным бронированным телом на задние рессоры, начал набирать скорость. Завлаб больше не отвлекался от карты и своих пометок. Бронеавтомобиль потряхивало, иногда он притормаживал, входил в повороты. Завлаб был занят только картой. Если не вносил пометки, то по-детски грыз кончик карандаша. Лишь когда полковник сказал: – «похоже, объект бросил машину», завлаб вновь приблизил лицо в лобовой броне. Быстро осмотрев то, что позволял угол обзора, глянул в правую щель, навалившись на полковника, посмотрел через левую, сел на место, расправил карту и, не поднимая головы, стал отдавать дальнейшие распоряжения:

– Всех сюда. Полное блокирование квартала. Задействовать оба резерва. При прямом контакте огонь на поражение.

И вновь рука полковника машинально потянулась в сто-

рону ручки дверцы. Это не ускользнуло от внимания завлаба. В этот раз он сделал замечание, повысив голос:

– Я сказал двери не открывать, – сказал он, – это так трудно запомнить?

Полковник опустил руку, хотел было взяться за рацию, но не удержался и задал давно мучивший его вопрос:

– Кто он? – Полковник тяжело сглотнул, поджал губы, опустил и поднял глаза. Ответ был прост и ясен:

– Выполняйте свою работу. – Помолчав несколько секунд, завлаб решил добавить: – И оставьте в покое эту чёртову дверь, если хотите выполнять свою работу еще и завтра.

Полковник принимал и передавал сообщения по рации. Завлаб продолжал ставить пометки на карте, иногда посматривая на часы. Со стороны улицы долетали крики, слышались одиночные выстрелы.

Завлаб ни разу не поднял головы, всё что звучало вокруг он молча оценивал и вносил новые пометки. Так продолжалось около десяти минут. Только когда рация сообщила: – «противник нейтрализован», – завлаб нервно скрутил карту, завернув в неё и фонарик и карандаш, откинул ее назад и скороговоркой обратился к полковнику:

– Отставить стрельбу. Прекратить огонь.

Ему не понравилась медлительность полковника, и поэтому он повторил свое распоряжение громче и напористее:

– Прекратить огонь! Отводите людей полковник!

– Слушаюсь, – торопливо ответил полковник и отдал соответствующее распоряжение.

Завлаб выпрямился в кресле, поймал рукой с часами первый лучик светлеющего неба и следил за стрелками часов. Отмерив ровно три минуты, он повернул голову к Полковнику и сказал:

– Всех на точку сбора, наш выход.

Завлаб медленно выбрался на улицу, тихо прикрыл за собою дверцу машины. Он осмотрелся и двинулся вдоль дороги. Целью его были три замершие поперёк Садового кольца машины. Это были две чёрные Волги и милицейский Газ-69. Две чёрные Волги стояли в непосредственной близости друг к другу, почти коснувшись капотами. Милицейский газ стоял в стороне. Густые облака пара, вырывались из его круглого капота, скручивались, бледнели и таяли.

Завлаб шел спокойно. Он смотрел то на машины, то по сторонам. В его фигуре и движениях не чувствовалось напряжения. Однако стоило хлопнуть дверью вышедшему на улицу полковнику, как завлаб буквально подскочил на месте, ссутулился и подогнул ноги. На обращенном к полковнику лице нарисовалось недвусмысленное выражение. Завлаб был в бешенстве. В бессильной немой ярости он сжал кулаки и потряхивал полусогнутыми руками. Полковник покачал ладонями, давая понять, что будет вести себя тише. Завлаб поморщился и торопливо осмотрелся. Осмотрелся и полковник. В отличие от завлаба, лицо полковника переме-

нилось. Он не заметил, как выпустил вперед нижнюю губу и расслабленно уронил челюсть. Растеряться было от чего.

Не только три машины украшали Садовое кольцо этим ранним утром. Были здесь и люди. Рядом с Волгой было два тела. Одно неуклюже вывалилось в открытую дверцу из-за руля, второе лежало на спине, раскинув в стороны руки. Рядом с милицейским газиком было еще одно тело. Этого человека смерть настигла в тот момент, когда он, по всей видимости, направлялся к домам с внешней стороны Садового кольца. По тому, как лежал человек, можно было заключить, что последние шаги он сделал спокойно и неторопливо. Шел и упал лицом вниз. В отличие от погибших у черной Волги этот был одет в форму.

Когда полковник приблизился к телу милиционера, к нему подошел завлаб. Сдавленным шёпотом, не в силах сдержать эмоции он сообщил полковнику:

– Вы видите, что он делает? Вы понимаете, насколько точно моделирует ситуацию? Он вернулся. Здесь у нас три поста, он атаковал Волгу и отошел во дворы. Скрытые посты сразу себя обнаружили и устроили погоню. Но ему только этого и надо, он не стал двигаться в том же направлении он пошел им навстречу. Обошел, зачистил стихийное место дислокации противника, и оказался в тылу своих преследователей. Они думали, что гонятся за ним, но на самом деле с этого момента он охотился на них.

Полковник ничего не говорил, он повернул голову и смот-

рел на завлаба пустыми глазами. Завлаб качал перед носом полковника сухим кривым пальцем, время от времени то опускал голову, задумываясь, то вскидывал ее с очередным возгласом восхищения. Он заговорил еще тише, но еще напористей, шипя сквозь сжатые зубы:

– Это практически машина. Абсолютный контроль ситуации. – Поднял палец еще выше. – И заметьте, он ведь не атакует. Он еще совсем щенок, он напуган, он защищается.

– Кто он? – Тоже шепотом спросил полковник.

– Он? – Глаза завлаба вспыхнули огнем воодушевления. – Он это будущее. – Голова приблизилась к самому лицу полковника. – Он тот, кто поменяет расстановку сил в мире. – Завлаб вновь отстранился и двинулся в сторону домов, кинув через плечо полковнику: – Идемте, идемте у нас мало времени.

Определить маршрут движения объекта было несложно. Первый след он оставил ещё на углу 1-го Коптельского переулка. Здесь преследователи выставили пост, блокирующий вход в переулок. Сейчас этот пост предстал глазам полковника и завлаба в виде лежащего у стены тела. При дальнейшем движении можно было оценить четкую и качественную работу блокирующих групп. Они хорошо и правильно выставили посты. Оперативники располагались вдоль всего переулка таким образом, чтобы контролировать все дворы и проходные подъезды. При этом каждый из них мог бы наблюдать и за соседним постом. От смерти их это не спасло, но работа

была выполнена качественно. Главной ошибкой этих постов было то, что оперативники ждали опасности из глубины переулка, а она пришла с другой стороны.

Два человека, шедшие сейчас по переулку, между собой не разговаривали. Шедший впереди двигался не быстро и не медленно, стараясь не создавать шума. Шедший позади, в точности повторял его поведение. Они оценивали результаты разыгравшейся здесь трагедии, не сбавляя шага. Основной целью было то место, из которого поступило последнее радиосообщение.

Подходя к нужному двору, завлаб сбавил шаг и, повернув голову вполоборота, сказал полковнику:

– Дальше будете делать только то, что я скажу.

Полковник попытался кашлянуть, но из-за того что старался сделать это беззвучно вместо кашля у него получился сдавленный стон. Рука потянулась к кобуре. Завлаб остановил его.

– Никакого оружия, – сказал он.

В ответ на удивленный взгляд пояснил:

– Без оружия, – Он поднял руки, свел брови, но понял, что объяснять слишком долго и постарался ограничиться короткими рублеными фразами: – Без оружия у вас, возможно, есть шанс. С оружием нет. – Помолчав еще секунду, добавил: – Ну, это если что-то пойдет не по сценарию. Но это вряд ли. Я пока еще умею писать сценарии, – кривая усмешка появилась на его губах, – всё будет в порядке. Ситуация

под контролем. Объекту перед началом эксперимента дали сильнодействующее снотворное, сейчас он должен спать, если только кто-то из ваших архаровцев не прострелил его, когда он отключился.

Двое мужчин вошли во двор. Двор был небольшой со всех сторон замкнутый двухэтажными особняками. Небо уже посветлело, все предметы были хорошо различимы. Однако в первую очередь внимание завлаба привлекли окна домов. Некоторые из них светились. Возможно, у кого-то была ранняя смена, но скорее всего причиной была недавняя стрельба. Завлаб коротко махнул в сторону окон и сказал:

– С жильцами надо будет провести работу. По легенде у нас здесь авария с пьяным таксистом. Когда закончим здесь, займитесь безотлагательно.

– Понял, – сдавленным голосом ответил полковник, глаза которого не могли оторваться от тел, лежащих во дворе и не подающих признаков жизни.

Во двор было три входа. Два между домами и один через арку. Через них подготовленные оперативники атаковали цель. Все погибшие были убиты именно в момент атаки. По расположению тел можно было уверено заключить, что никто не подался назад, не отошёл в сторону, не пытался добраться до подъезда.

В самом центре двора рядом с песочницей лежал мальчишка. Он лежал на спине, одна рука его была вытянута вдоль тела, другая откинута в сторону, немного вверх, как

если бы он пытался подложить ее под голову, но не успел, заснул раньше. Одет он был в серые хлопчатобумажные брюки и чуть более светлую клетчатую рубашку. Лицо его было безмятежно, глаза закрыты. Рядом лежали два пистолета. Присмотревшись можно было разобрать, что дыхание ребенка спокойное.

Завлаб приближался к мальчишке очень осторожно. Теперь он даже не пытался изобразить спокойствие. Он двигался на полусогнутых ногах, и как слепой выставив вперед одну руку. Так приближается дрессировщик к дикому зверю. Не дойдя трех метров до маленького худого тела, он повернул голову в сторону полковника и отдал команду:

– Проверить пульс. И на ранения.

Полковник подошел к мальчишке, присел на корточки. В руке его был пистолет. Он всё же достал оружие, но сейчас завлаб на это не обратил внимания. Он смотрел в лицо мальчишки. Гладкое, лобастое, с ворохом разметавшихся светлых волос.

Быстрым движением полковник проверил пульс, осмотрел мальчика, решил провести ладонью между телом и землей, таким образом выяснить, нет ли там крови. Чтобы сохранить в этом положении равновесие, вторую руку полковнику пришлось отвести далеко назад. Когда он, кряхтя, дотянулся до ног и стал их ощупывать, глаза мальчика широко открылись. Зрачки, смотревшие в небо, медленно сдвинулись в сторону покачивающегося у самого лица пистолета.

В этот раз излюбленный прием мальчишки бить всем своим весом и обеими руками по руке с оружием дал отличный результат. Полковник не был молодым подготовленным оперативником, пистолет лежал в его пальцах не так крепко. Через мгновение оружие упало в песок, полковник отшатнулся от неожиданности, охнул и сел на землю. Наблюдавший за этим завлаб окаменел. Не больше секунды потребовалось мальчишке, чтобы вскочить, схватить оружие, передернуть затвор, навести ствол в лицо полковнику и нажать спусковой крючок. Еще доля секунды и вот уже черный глаз пистолета смотрит в лицо завлабу.

Завлаб хотел что-то сказать, рука, выставленная вперед, задрожала, колени полусогнутых ног принялись ходить ходуном. Однако никаких определённых и ясных звуков онемевшее горло не рождало. Скривив от напряжения лицо, напрягая силы, давя всем воздухом легких, завлаб выдавил одно только слово:

– Прости...

Это слово получилось тихим и сиплым. Это было даже и не слово, это был последний вой ужаса. Страх перед очевидным и неизбежным концом. Выдавливая из себя это слово, завлаб с таким же титаническим усилием заставил себя перевести взгляд с пистолета на лицо мальчишки. Но там он увидел ту же холодную и бездушную сталь решимости. Там не было того за что его последнее слово могло бы зацепиться. И поэтому это самое последнее слово к концу померкло

и растянулось, переходя в обычный испуганный затравленный крик. И точкой ему был оглушительно громкий хлопок наградного пистолета полковника.

Глава 1

Три воспоминания

Очень интересная штука, человеческая память. Кто-то, когда-то сказал, что хорошо человек помнит то, к чему часто возвращается в своих мыслях. Самые важные события, мы помним не потому, что они важные, а потому, что часто к ним возвращаемся. Оцениваем, размышляем и даем им оценку, анализ. Мы сами их шлифуем и подкрашиваем. Незаметно для себя вносим изменения.

Парадокс в том, что в результате, то, что мы помним лучше всего, является собой наиболее далекий от действительности вариант. Павел подумал об этой странной особенности человеческой памяти...

В жизни Павла, как и любого другого человека, были события, о которых он думал, которые вспоминал. Те самые события, к которым он возвращался в своей памяти. Это не было ностальгией или склонностью романтизировать куски своей жизни. К романтике он вообще не был склонен. Он это делал скорее по привычке. Он думал и оценивал произошедшее, это помогало яснее понять будущее.

Не исключено, что он кривил душой, воспринимая се-

бя лишь как холодного аналитика. Ведь при воспоминании некоторых вещей, в его душе появлялось волнение. Не всегда сильное, но всегда появлялось.

Первое яркое воспоминание, было еще из детства. Если не считать воспоминаний рваных, касающихся самых ранних лет, то наиболее ярким, стало в его жизни то, как он первый раз подрался. Подрался по-настоящему, до крови, до боли в кулаках. И до того самого, важного, запомнившегося сильнее всего, ликования от своей победы.

Это произошло в школе. Небольшая трехэтажка, не в самом благополучном районе города. Так случилось, что Павел, тогда еще просто Пашка, рос мальчиком хоть и общительным, но в общении разборчивым. Он не старался стать своим среди самых известных мальчишек, только потому, что они известные. Пашке хотелось быть среди самых смелых и оторванных, но он понимал, что просто так, туда не попасть. Или, вернее, так можно попасть лишь в самые ничтожные подпевалы. Просто балагур – клоун. Грош цена такому хулигану, такие даже девочкам не нравятся. Девочки любят тех, кого все слушают, а не тех, кто слушает.

Самой дерзкой хулиганской компанией в школьном дворе считалась компания Макса «Болото». Прозвище появилось от фамилии Болотин. Высокий, крепкий парнишка, на год старше Пашки. «Болото» Пашке нравился. Всегда спокойный, умел говорить, на пустом месте ни к кому никогда не задирался, но драться умел. Его дружкой был, спортсмен,

дзюдоист Вадик. Вадика уважали все. Буквально вся школа. Даже учителя. Вадик Газарян был высок, плечист, с крепкими мышцами, ходили легенды, как он запросто подбрасывал себя на уроке физкультуры тридцать раз на турнике, а потом спрашивал физрука, надо ли еще. Еще, конечно, было не надо, так как для пятерки хватало десяти раз. Но Вадик висел на полусогнутых руках и спрашивал, а физрук в ответ разводил руками, а мальчишки, открыв рты, сбивались со счета, а девочки, делали вид, что у них есть о чем поговорить, но все, кто прямо, кто искоса, смотрели на этого улыбающегося атлета и не могли отвести глаз.

Вадик и Макс были разными, но они дружили. Вадик никогда не торчал у школы, не ходил пить кагор на железку, но с Максом они иногда стояли вместе, болтали, даже смеялись. Это было Пашке непонятно. Макс дрался часто, и все знали его напористый и решительный характер, Вадик же подрался в школе только один раз. Подрался тихо, почти незаметно, вежливо попросил прогуляться с ним в туалет самого страшного и сильного в школе верзилу Зубарева, по прозвищу «Зуб». «Зуб» учился в классе вместе с Вадиком, и однажды, прямо на уроке в какой-то рядовой перепалке послал Вадика на три буквы. Вадик не разозлился, не стал произносить обидных слов в ответ, он просто предложил пойти поговорить. Зубарев был уникальным мальчишкой. На голову выше всех в классе, и на пол головы выше Вадика. Огромный, с широкой костью, с ладонями размером с учебник, да-

же лицо крупное и шишкастое, шишка нос, шишка подбородок, скулы торчащие шишками, маленькие глазки. Зубарев был страшен. Никто и никогда не смел с ним ссориться. Надо отдать должное он и не искал ссор. «Зуб» был одиночкой. Как и все, отстающие в развитии. Зубарев отставал в развитии заметно. Он был глуп феноменально. Наверное, он и ненавидеть никого не был способен именно из-за своей глупости. Зубарев жил в своем слабоумном мире. И в этом мире ему виделось, что он самый сильный и все его боятся. В целом это так и было. До того момента, пока он не оскорбил Вадика. На призыв пойти поговорить, Зубарев легко согласился и, полностью закрывая своими могучими плечами спортивную, изящную фигуру Вадика, побрел следом. Вернулся в класс Зубарев весь в слезах. Драку удалось подсмотреть паре первоклашек, от которых все и узнали, что Зубарев летал по туалету, от стены к стене, вытирая кафель своей школьной формой. Интересно было поведение Вадика. Он ни разу не заговорил ни с кем, об этой драке. Расспрашивать его никто не решался, а сам он не говорил. К Зубареву с расспросами не лезли тем более.

У Пашки были друзья. Они и на железку ходили и лазали на закрытую территорию военного полигона воровать гильзы. Курили, обсуждали девочек. С Болотиным Пашка общался редко, если это вообще можно было назвать общением. Просто если долго не виделись, то здоровались. Могли и перекинуться парой слов, или поделиться новостью. Паш-

ка не был белой вороной, он рос вполне нормальным мальчиком. Хоть он и не был полноценной частью Болотинской компании, и в глубине души хотел бы болтаться по округе со старшеками, смотреть и говорить с развязными девахами, с которыми говорил Макс, но в целом, это его не раздражало и не печалило. У него была своя компания. И эта компания выросла и со временем заняла бы место Болотинской. Но жизнь распорядилась иначе.

Сильнее всего к компании старшекласников тянуло по причине присутствия там Катьки Завьяловой. Девочки спокойной, не хулиганки, даже тихой. Очень красивой, и воспитанной. Пашку удивляло, что она трется с «Болотинскими». Невысокая, темноволосая с тонким, задиристо вздернутым носиком, темными глазами. Она часто смеялась, держалась всегда уверено, но не надменно. Однажды, на выходе из школы, Пашку окликнули. Вероятно, была причина, какая-то мелочь, но Пашка оклика не услышал. Он смотрел на Катьку. Она стояла рядом с компанией ребят, «болотинской» шпаны, задумчиво слушала, о чем те говорят. А Пашка смотрел на нее и шел, не разбирая дороги.

С Катькой Пашка учился в одном классе. Нельзя сказать, что она всегда ему нравилась. Всегда тихая и незаметная, она не задерживала на себе внимания. Пашка ее знал, но, как и всех остальных. Только в этом году она почему-то стала часто попадаться ему на глаза. Почему-то он стал иногда задерживать на ней взгляд. Почему-то заметил ее. Заметил и по-

думал, что у нее красивый взгляд, и забавный, очень смешной нос. Все эти мысли лишь начинались в голове Пашки, они еще ни во что путное не выросли. Он вдруг понял, что Катька ничего себе так девчонка. Первый раз он о ней задумался, когда столкнувшись на рынке, где был с родителями, вдруг ощутил ее руку на своем плече. Затем широкую улыбку. Она сказала: – «Привет». Он тоже поздоровался, и две семьи разошлись. Разошлись Пашка с Катькой. Но, после этого, он в мыслях иногда возвращался к той встрече. Ничего не произошло, но она вошла в голову. Он и до того дня миллион раз с ней здоровался, а вот этот привет застрял в голове. Вместе с самой Катькой. И не желал из головы улетучиваться. Чем чаще и дольше думал Пашка о Катьке, тем для него отчетливее становилось, что она красивая. Красивее многих девочек в классе. Что она никогда не матерится. Во всяком случае, Пашка этого не помнил. Она ни разу его не обижала, не проявляла излишнего внимания, но и никогда не отшивала его, ничем не обижала. Странно хорошая девочка была эта Катька.

Пашка шел от дверей школы, мимо скамейки, на которой валялись ранцы девчонок малолеток, игравших рядом в классики. Шел и смотрел на Катьку. Ему казалось странным и то, что она общается с «Болотинскими», и что она так поразительно не вписывается в компанию, рядом с которой стоит. Там все шутят, гогочут, пытаются поразить друг друга шуткой или лихим сарказмом, поддакивают Болотину, об-

нимают своих одноклассниц. И рядом с этим гомоном и шумом, с этой пустой и гулкой тупостью, стоит тихая, молчаливая, в коричневом школьном сарафанчике милая и опрятная девочка. Умница и хорошистка. Странно.

– Ты глухой, что ли?!

Пашку резко и бесцеремонно схватили за рукав, повернули. Перед его глазами возник крепкий, коренастый парень. Пашка хорошо его знал. Его все хорошо знали. Легенда по боищ. Вечно битый и бьющий. Постоянно ко всем цепляющийся. Трясущий из карманов школьников мелочь, выданную родителями на обед. Такой никого не пропускает, нападает, если ему этого просто хочется.

Сашок был легендой района. С самого раннего детства стоящий на учете в местном отделении милиции. Много пьющий и курящий, в тоже время занимавшийся силовыми упражнениями. Мышцы чувствовались под легкой рубахой, плечи его округлые и постоянно напряженные. Сашок был не фривольным, размашистым хулиганом, как тот же Болотин, он был бойцовой породы. Такие не отступают, и не прощают отступления. Такого надо побеждать. Отбрехаться не получится, если уж дошло до конфликта. В самом лучшем случае станет унижать и издеваться, но быстро, точно не отстанет. «И какого лешего он вообще тут постоянно болтается, если даже не учится в нашей школе», – подумал Пашка, а вслух сказал:

– Привет, извини, я тебя не заметил.

– А чего ты такой борзый? – В ответ поинтересовался Сашок.

Сашок был ниже Пашки. Он был крепок, но однозначного физического превосходства не имел. И тем не менее, Пашка стоял и думал, как бы поудачнее вывернуться из неприятной ситуации. Рядом, в десяти метрах стояла Катька, такая милая и ладная, а он должен смотреть на эту круглую, злую рожу, и искать подходящие слова, чтобы замять конфликт.

– Че не так? – Тихо, почти трусливо, спросил Пашка.

– «Че не так», – Передразнил Сашок, – а сам не понимаешь, че не так?

– Я тебя вообще не трогал...

– А ты попробуй, тронь.

Страшно нервировало, что в то время как Пашка говорил тихо, почти шепотом, чтобы постараться вести этот позорный для себя разговор, незаметно для Катьки, Сашок говорил в полный голос. Даже громче, чем это требовалось.

– Давай с локтя, Сашок! – Послышалось со стороны «Болотинских». – Долго будешь лясы точить? Или зассал?

Пашку не задело, что Сашка подзуживают к битве. Его сознание ужалило понимание, что теперь Катька точно смотрит сюда. И теперь его ждет позор. Теперь все узнают, что на самом деле он трус. Сам он сейчас ясно понял, что он трус, но через несколько секунд об этом узнаю все.

Пашка видел, как Сашок чуть отстранился, его круглые плечи напряглись. Глаза прищурились. Он прицеливался. До

удара оставалось одно мгновение. И именно в это мгновение ему послышалось, а может он действительно это услышал, а скорее всего от страха начался звон в ушах. Но он ясно разобрал голос Катьки. Тихий и ровный, плавный и мелодичный, не напористый, но полный собственного достоинства, уверенный в результате. Голос, который сказал ему... сказал именно ему, Пашке, наперекор общему мнению и настроению, он сказал:

– Давай Паш.

И в следующий миг Пашке прилетело. Удар пришелся в скулу. Затем еще один в правый висок, затем подбородок. Сашок шел напористо, как локомотив, но Пашка вдруг понял, что удары у того слабые и неточные. По-видимому, у Сашка была такая манера, он бил не столько сильно, сколько часто. Одновременно наступая на противника. Принуждая того, отходить. Сашок ускорил движения, наступление его стало еще активней. Дистанция сократилась и он уже не бил, а давил, стараясь уронить Пашку на землю. Что произошло дальше, Пашка сам не понял. Только что шедший вперед, подобно танку, опустив голову, рыча в остервенелой радости от очередной победы, Сашок вдруг вскинул голову, и округлил глаза. Он смотрел на Пашку, словно увидел призрака. Долго, ошарашено. Затем из носа его, сразу из обеих ноздрей хлынула кровь. А Сашок ее даже не замечал, он просто стоял и тупо пялился на Пашку. В ту же секунду, когда верхняя губа Сашка стала темно бардовой от бегущей по ней крови,

Пашка ощутил, как загудела его правая рука. И только сейчас осознал, что стоит он набычившись, руки его сжаты в кулаки, и это именно он ударил Сашку. Сашка, на которого раньше старался не смотреть, чтобы тот не привязался, не стал цыганить мелочь, или унижать. Сашка, который был самым страшным кошмаром всех местных мальчишек. Никого и никогда не пропускал Сашок. Не пропускал ничьих ударов. Гроза района, отъявленный хулиган стоящий на учете в милиции, знающийся с такими хулиганами, в сравнении с которыми Болотин это просто домашний ребенок. Сашок, вечно искавший приключений и побед, стоял перед Пашкой, широко распахнув удивленные глаза, заливая своей рубашу, своей же кровью. И в глазах противника Пашка отчетливо прочел не только удивление. Он прочел там испуг. Настоящий, искренний, животный и не управляемый. Сильней чем тот, который еще миг назад испытывал сам Пашка.

Пашка не имел цели никого никуда ронять и унижать. Ему не нужны были победы. Он хотел только одного, расплющить эту поганую рожу в лепешку. И поэтому его удары не были частыми, но они были со всей силы. От всей души. И хотя Сашок быстро взял себя в руки и не сдался легко, перелом в сражении уже произошел. Инициатива была у Пашки. Сашок отбивался, даже нанес пару ответных ударов, но, в конце концов, он стал явственно отступать. Позже Пашка думая об этом случае, пришел к выводу, что Сашок бы отыграл потерянную инициативу. Это было видно, он не был готов сда-

ваться. Страх из глаза прошел быстро. И драка эта не переросла в кровавое побоище только потому, что в какой-то момент, когда сам Пашка уже терял силы и удары его стали размашистыми и не точными, замахнувшись в очередной раз, вдруг понял, что Сашка перед ним больше нет. А еще миг спустя, сам он приподнялся над землей...

Физрук сделал свою работу четко. Он взял Сашка. Пашка оказался в плену у НВПшника. Оба молча переставили фигуры бойцов подальше, не спеша и ловко прицелились, накрутили уши раскрасневшихся мальчишек на пальцы и так же, не сговариваясь, потащили обоих к школе. От боли орали и Сашок и Пашка.

На допросе у директора Пашка не стал выдавать Сашка, что тот первый пристал. Сказал, что решили устроить спарринг. Сашок эту версию поддержал. Когда шли по школьному коридору Сашок поблагодарил и сказал, что и так проблемы одни от этого учета ментовского. После этого случая Сашок никогда не задирался к Пашке. Если встречались, то просто здоровались и шли каждый в свою сторону.

Шло время и спустя много лет, Павел хорошо помнил ту драку. Помнил, как все это произошло. Помнил, как засмотревшись на Катю, он толкнул Сашка, особенно четко врезалась кровь, текущая из носа мальчишки. Жизнь сложилась так, что в дальнейшем кровь Павлу приходилось видеть не единожды. Но та драка все же не стерлась, не истрепалась.

Он хорошо помнил и боль в руке и ошарашенное лицо Сашка, когда в него летели кулаки, и спокойное лицо физрука. Помнил даже еще пару дней, которые органично срослись с самой дракой. Очень ясно запомнился гипс на руке, которую, как позже оказалось, Павел сломал. Сломал мизинец. Боли не было. Рука просто гудела и немела. Только дома, когда сел за стол, вдруг понял, что не может держать ложку. Ложка, как-то странно выпрыгивала из руки и летела на пол. После второго раза, отстучав по углу стола, мать всплеснула руками. Отец разозлился. Разорванная рубашка уже была приобщена к делу, требующему высшей меры наказания – ремня, ложка же усугубляла вину настолько, что казнь обещала стать неотвратимой. Пашка втянул голову в плечи, взял ложку, и та тут же выпрыгнула из пальцев, сделала изящный пируэт над столом и, нервно дернувшись, вновь замерла на полу. Мать опешила. Отец свел брови, взял Пашку за руку, внимательно осмотрел опухлость у ребра ладони. Спросил:

– Болит?

– Нет, – тоскливо ответил Пашка.

Отец отвел Пашку в травмпункт, где опытный хирург, лишь кинув короткий взгляд на руку, стал накладывать гипс. Пашка спросил, что с рукой, а тот коротко ответил, что сломал.

Хорошо запали в память лица одноклассников, которые подходили посмотреть на загипсованную руку, что-то шутили, это уже помнилось не так хорошо, кривили рты, вытя-

живая губы в гримасы уважения и преклонения. Они шутили, но жизнь тогда у Павла поменялась. И кто знает. Может именно эта первая серьезная стычка, до боли, до травмы, до крови, именно она первый раз открыла глаза на что-то важное, что-то значительное в людях, и в себе.

Павел прошел долгий путь. Событий на его век досталось много. Так много, что он с радостью отдал бы кому-нибудь половину. Но, те, кто смог бы унести эту половину, уже тащили свои скрипучие, неподъемные, кресты воспоминаний. И в дополнительных нагрузках не нуждались.

После школы была армия. К тому моменту, Пашка уже превратился в Паху «Ракиту». Однажды поспорил с кем-то о вариантах названия ветвистого кустарника, у самой реки. Отстаивал свою точку зрения сильнее, чем это требовалось, и, как результат, сам стал «Ракитой».

Так и не попав в компанию «Болотинских», хотя после драки с Сашком, ему давали понять, что ему там рады, Пашка остался верен своим собственным интересам и друзьям. Он поболтался с Болотинскими, походил даже в секцию дзюдо, задружившись вдруг с Газаряном, который так же видел его драку, Пашка не заинтересовался ни танцами со старшками, ни борьбой. Он около года гулял с Катькой, но и это увлечение само собой растаяло. Как именно он даже и не помнил.

Однажды в классе появилась новенькая. Наташа. Смуг-

лая, немного крупная, но с удивительно подвижным и самое главное, практически никогда не закрывающимся ртом. Благодаря ей, Пашка вдруг понял, как могут действовать женщины на мужчин. Это было подобно вспышке, горению и одновременно затмевающему все мысли холоду. Он цепенел, когда ее видел. Не мог произнести ни слова. Впрочем, при ней это и не представлялось возможным. Она тарактела постоянно. Запальчиво, обрывая одни фразы следующими. Матерные слова в ее лексиконе присутствовали, но их присутствие не было тяжеловесным, а только усиливало всю фразу. По большей части фраза и состояла из этих тяжелых вкраплений, изредка разбавляемых связующими словами, несущими хрупкий смысл ее повествований. Но слова этой девочке и не требовались. Ее эмоции завораживали, ее страсть и напор делали все, что у других делают слова. Пашка понял, что он влюбился.

Именно лицо Наташи и было вторым воспоминанием Павла, отчетливо сохранившимся. Он помнил это лицо до мельчайших деталей. Каждую ресничку, каждую складочку на щеках, каждый поворот и изгиб ее губ. Первых губ, к которым он прикоснулся своими. Сейчас он уже ничего не чувствовал к той девочке Наташе. Дело не только во времени и в возрасте. Просто с тех пор Павел сильно изменился. Но лицо так и сидело среди других далеких и не очень воспоминаний.

Известность на районе к Пахе «Раките», пришла сама собой. Как это, видимо, и должно было произойти. Паха не бо-

ялся ни драк ни конфликтов, его уважали и даже, в отличие от других таких же, кто был раньше или приходили позже, именно Паху считали мудрым. А это дорогого стоит. Когда такое отношение рождено среди равных, таких же амбициозных, готовых в любой момент забрать у тебя этот титул. Подобное отношение особенно весомо. И оно особенно сладко. Победа над одним хулиганом, ничто, в сравнении с победой над общественным мнением. Паху могли пригласить для решения спора, урегулировать конфликт. Свой статус Паха осознал в полной мере, когда к нему домой среди ночи прибежала соседка, тетя Лида, мамина подруга и запричитала, что ее сорви голова куда-то намылился среди ночи, что недоглядела, что беда, и что все... Все плохо. И разревелась. Мать глянула на Паху, затем на Лиду, потом перевела взгляд на отца, снова на подругу, опять на отца, тихо спросила:

– Сходите?

Отец лишь повернул голову к сыну и коротко отрезал:

– Сгоняй.

И Паха сгонял.

Это было третье крупное воспоминание его молодости.

Он понял, что взрослые уже знают о его авторитете среди молодежи. Он был горд необыкновенно. Отцовское – «сгоняй», гудело и перекатывалось в голове, как музыка, как торжественный набат. Он знал, верил, что когда-нибудь так же скажет и своему сыну. Ликовала душа в тот душный лет-

ний вечер у Пахи «Ракиты». Усилия воли требовалось, чтобы вернуть мысли на землю грешную и подумать о том, что происходит. Трезво оценить ситуацию. У Тети Лиды на ночь глядя свалил сын. Малой дерзкий, но не настолько, чтобы впутаться во что-то особенно прискорбное. Надо было решить, что с ним делать, когда получится найти. Дать тумака? Но, с какой бы стати, он Паху не звал, ему зла не делал. Сказать что-то мудрое и нравоучительное? Так он и об этом не просил. Получалось, что его надо найти, а там уж по месту сориентироваться. Как оказалось, найти его было непросто.

Крупные события на районе не могли произойти так, чтобы Паха о них не узнал. Хоть как, но слух всегда подтянет попутным ветром. А раз Лида в истерике, значит, поняла, что сынок задумал что-то опасное. Но что это могло быть? Тут варианта два. Или пошел магазин грабить. Или драка. Магазин, это вряд ли, малой не из тех, кто бы стал это делать. Оставалась драка, но что за драка, если Паха о ней не знает. Один на один? Много шума...

Ответ на все вопросы пришел сам собой. Подвыпившая компания у Универмага, привлекла внимание Пахи и он, сменив направление, двинулся прямо к покачивающейся троице. На улице людей было мало, единственный фонарь светил слабо, и как-то в сторону. Но Паху заметили. Замахали руками, подзывая подойти, хотя он и так шел навстречу.

– Слыш, мужик, – сказали ему, но Паха, поняв, что его не узнали, сразу представился:

– Это я, «Ракита».

– А, Пашут, ты что ли, – мужик отшатнулся, – а че, батя дома?

– Дома.

– А ты че шаришься?

– Малой у Лиды слинял, она вайдосит. Не слыхал, дядь Гриш, куда мог мелкий намылиться?

– Я че, в яслях работаю? – удивился дядя Гриша, даже руки развел в стороны, отчего едва не потерял равновесие.

– В яслях, не в яслях, мож видел че? Мелочь нигде горку красную праздновать не собиралась?

– Ту, – задумчиво вывел звук скрученными губами дядя Гриша, вдруг лицо его озарилось светлой мыслью, он обернулся и спросил своих товарищей: – слышь, мужики, дети нигде седня хлестаться не собирались?

– Че? – послышалось в ответ и набор ярких междометий.

– Мой на реку утек, еще с вечера, – послышался другой голос.

Дальше Паха не слушал. Речка излюбленное место для официальных баталий. Пологий берег, прогалина между прибрежными деревьями метров сто. Тут и разборки и переговоры устраивались. Место тихое, отдаленное, никто не помешает.

Ночь выдалась лунная, видимость хорошая. Странно, что про эту встречу ничего не было слышно. Хотя с другой стороны, это понятно. Ведь, если собираются малолетки, это ма-

ло кого беспокоит. У мелюзги свары, обычное дело. Паха там даже выглядеть будет странно. Но раз уж взялся надо делать.

Чем ближе была река, тем Пахе было тоскливее туда идти. Будь этот малой хоть братом его двоюродным, еще понятно, а так... глупая ситуация получалась. Он придет, его заметят. Надо будет что-то объяснять. А что можно объяснить? Сказать, мать волнуется, меня за тобой послала? Отличный повод стать посмешищем. Паха сбавил шаг, достал пачку космоса, чиркнул спичкой, пустил дым. Тряхнул пачку, всматриваясь, сколько сигарет осталось. Вокруг ни души, тихо, ночь. Огромная луна нависла над лесистым пригородом, воздух стал остывать, со стороны реки тянуло свежестью. Паха сделал еще пару затяжек и вновь двинулся к реке. В крайнем случае, можно сделать вид, что случайно тут оказался. А можно и вообще ничего не объяснять, сказать: — «пошли, дело есть», и пойдет как миленький. А когда сообщит, куда идут, то уже будет поздно. Паха не мать, с ним не забалуешь, раз пришел за тобой, придется идти. Малец еще гордиться будет, что взросляк за ним сам пришел. Вроде как друг получается.

За насыпью блеснул далекий правый берег. Своего берега еще не было видно. От мыслей Пахе уже стало скучно. Надо было заканчивать весь этот цирк и идти домой. Забравшись на холм, посмотрел вниз. У ног его простирался широкий пляж. Излюбленное место молодежи. Затянувшись сигаретой, Паха оценивал увиденное. Сначала оно его озадачило,

но постепенно картина стала наполняться смыслом. Не хорошим смыслом. Зловещим.

Малец действительно оказался на реке. Паха нашел его глазами. Обычно, если уж загуляли допоздна, жгут костры, но тут костров не было. Была стайка местной молодежи. Человек семь, десять. Это все Паха стал оценивать уже после того, как выполнил первую, основную задачу – нашел искомого потеряшку. Затем, начав знакомиться с ситуацией, нахмурился. Это был не простой загул, не песни под гитару в обнимку с девчонками. Парни пришли что-то решать с заречными. Обе компании держались отстраненно. Паха сразу понял, что еще не все собрались. Кого-то ждут. Значит, не обманули предчувствия тетю Лиду. На войну малец утек. Вот только присутствие здесь Пахи, в этом случае выглядело самым худшим образом. Если старших не позвали, значит им тут делать нечего. Не их это дело. Старших подтягивают, когда вопрос серьезный, когда или уж очень серьезный конфликт, или изначально какой-то взрослый участвует. Например, старший брат качает за брата, или старшека где-то уронили по запаре. Одним словом, старшие присутствуют в том случае, если их это касается. Если же вмешаться без повода, то будешь потом самым бедным. А скорее всего придется потом самому решать спор со старшими. Одним словом, оказаться в разборке малолеток, это очень плохо. Это провокация в чистом виде. Все потом скажут, что привели старшека. И какая бы изначально ни была причина, этого косяка

уже ничто не прекрoет.

Ночь выдалась светлая, но разобрать лица собравшихся было трудно. Те, кто стояли у самой реки, полностью сливались в единые, бесформенные перетекающие островки. Местные стояли ближе. Среди них, Паха некоторых узнал. Самого крупного, которого звали «Слон» – долговязый дeтина, с круглым лицом, размашистыми движениями. Он был медлительным, но движения широкие, грузные. Среди сверстников он слыл самым сильным. Однако парeнь, вроде не нервный, не буйный. Увалeнь, одним словом. Но смелый, за своих горой. Паха его знал шапочно, они здоровались и только. Было еще несколько знакомых, были и боевые парнишки.

Паха вновь перевел взгляд ближе к реке. Он не сразу понял, что его заинтересовало. Еще в первый раз что-то насторожило. Сейчас понял, что именно. Среди гостей из-за реки выделялись пара высоких фигур. Поначалу, не придав этому значения, все ведь растут не одинаково, ему показалось, что одну фигуру он узнал. Не по лицу, которого не видел, а по движениям. По форме поведения. По часто уроненной голове набок. Этот человек, двигался мало, но был суетлив. Он постоянно сплевывал и, это уже дорисовал Паха в своем воображении, – сплюнув, бросал быстрый взгляд, будто исподтишка, из-под бровей. Быстрый, внимательный, оценивающий. При суетливости коротких движений, в целом он не быстрый, вальяжный, спокойно высокомерный. Не надо бы-

ло всматриваться сильнее, чтобы понять, что это не только не малолетка, это взрослый мужик. И Паха знал этого мужика...

Паха перестал напрягать зрение, поняв, что его окружили. К нему подтянулись трое парней. «Слон», и еще двое, Киря, как припомнил Паха, юркий паренек, всегда вежливый, румяный, часто болтающий то со старухами у подъезда, то с девчонками на качелях. Беззастенчивый, веселый, словоохотливый. Таких называют – душа компании. Третьего Паха знал совсем плохо. Хоть и невысокий, но плечистый, голова немного опущена. Лицо мягкое, без резких черт, без мужского профиля. Но такие часто оказываются сильными, хотя от них и не ждут.

– Здорова, Пах, – сказал «Слон», – ты чего тут?

– Покурить вышел, перед сном, – кинул, как сплюнул, через губу Паха. Достал пачку космоса, выудил сигарету. Неторопливо стал убирать пачку.

– О, Пах, угости сигареткой, – подался вперед Киря.

Плечистый, было тоже подался вперед, но нерешительно, и просить не стал. Паха провел пачкой, давая каждому угощаться. Закурили.

– А вы че тут? – Спросил Паха, затягиваясь дымом, и ощущая, что накурился еще прошлой сигаретой. Он вновь посмотрелся в силуэты у воды.

– Да опять заводские, – протянул «Слон», качнул головой в сторону реки, – Надо тут немного порулевать.

– Че хотят?

– Парнягу нашего.

– А че он?

– Да, ну, типа их пацанов он там чет пооскорблял. Типа сбежал.

– А-а-а, – понимающе промычал Паха.

Заводские, промышленные районы вообще славились. И для того был повод. Всегда слаженные. Всегда дерзкие и уверенные. Крепкие, дружные. Все в них было, чем не могли похвастаться городские. Городские держались малыми группами. По интересам или по дворам, районам. При этом и дворы и районы могли спокойно враждовать друг с другом. Могли враждовать непримиримо. Живешь ты на Литейке, и враждуешь с Трубой. Но стоит переехать твоей семье на Трубопроводную улицу и вот ты уже в противоположном окопе. Да и вражда такая, то вражда, то нет. То идешь по чужому району и ладно, а то, может оказаться, что не ладно. В городе все больше от настроения. Есть настроение, все общаются. Нет настроения, молчат. Зашел в дом, поднялся в свою квартиру, замок запер, и тебя нет. Ни на Трубе, ни на Литейке, ни даже на Центре. И искать никто не пойдет. Ну, если уж только из самых близких друзей, кто-то в дверь позвонит.

У заводских все было не так. У них все было совершенно наоборот. Ушел, заперся, и нет меня, в их понимании могло быть только в одном случае, если твою дверь забили гвоздями и опустили на два метра в землю. Во всех остальных слу-

чаях, ты есть, о тебе знают, тебя имеют в виду, тебя помнят, и к тебе придут. Кто угодно. Кого ты может и имя забыл. Если ты нужен, за тобой зайдут. А не нужных среди заводских нет. Все, кто свои – нужны.

У заводских не было отдельных компаний, отдельных интересов, маленьких группировок. Конечно, кто-то общался с одними, кто-то с другими, у всех свои пристрастия и предпочтения. Одному нравится одна девочка, другому другая, а третьему и четвертому третья. Естественно, третий и четвертый подерутся. Без этого никак. Но все менялось в один миг, если хоть первая, хоть третья, хоть сто какая девочка понравилась городскому. И не приведи городскому судьбы, чтобы в него влюбилась заводская. Тут больше не будет никаких отдельных интересов, тут будет аврал, тут они пойдут все вместе, как их отцы каждый день толпой валят в проходную завода. Надо будет, возьмут приступом город. Но уж если городской попался на территории заводских, это все. В этой истории открытого финала не будет. Судьба мальчика прописана по пунктам. От первого – пункта оказания помощи в местном травматологическом кабинете и до отдельной кровати в хирургическом отделении районной больницы.

Городские относились к заводским пренебрежительно. Считая их людьми ниже сортом. Заводские отвечали им тем же. На прямой конфликт с заводскими никакой городской никогда не пошел бы, если он в здравом уме. Но... есть вещи, не относящиеся ни к уму, ни к здоровью. Девочки нравятся

мальчикам. И что еще хуже, мальчишки так же частенько нравятся девочкам. И нет этой необъяснимой силе, ни закона, ни укорота. Не знают чувства географию. И заводские влюблялись в городских и городские бегали по заводским районам. А потом, назначалась встреча на реке. Не в первый раз это происходило и наверняка не в последний. И самое лучшее, если получится договориться мирно. Потому что заводские, как обычно пришли огромной толпой, а городских десятков. Второй по качеству вариант, если удастся решить поединком между главными виновниками. Хоть это и самый частый вариант, но это не означает, что о нем не надо договариваться.

– А че цопнулись? – Спросил Паха.

– Ирку со второй Ударной знаешь?

– Слыхал, – нараспев протянул Паха, так как знать малолеток было ниже его достоинства.

– Специально пацанов наших в район тащит.

– Ну? – Ждал продолжения Паха, с видом полного безразличия.

– Ну у нас тут есть один, он ей до пупа вообще. Устроил там...

– Че?

– Месиловку.

– И че, намесил?

– Да намесил. Ему бы на срыв, а он им оборотку. Кирпидоном вроде кому-то репу поправил.

– А че взросляки тут делают? Братья, что ли?

– Пах, я не знаю, – и в этот момент голос выдал, что «Слон» не просто не знает, что он нервничает. Он сбавил голос, подался к Пахе, словно ища поддержки, совета. – Они чет уже тут начали, что мол ответить придется, что мол пацана их убаранили.

– Убил он его что ли?

– Ну, вроде нормально всек.

– А сам сорвался?

– Ну дак...

Паха понял, что дело принимает серьезный оборот. Выходило так, что некий бойкий духом, но невзрачный телом мальчуган, потащился провожать деваху заводскую. Там его попытались прихватить, но, по всей видимости, решив, что перед ними слабак, кодлу собирать не стали, хотели сначала зажать, а там уж и линчевать можно. Да только ошиблись ребятки. Парнишка оказался с заусенцем в характере. От них отбился и обратно в город слинял. Ну а отбиваться от противника, которого больше, тут уж как без кирпича. Вот только теперь незадача. Тот валяется с разбитой головой, мамаша его, небось, уже заявление в милицию накатала, а эти пришли сюда. Спрашивается зачем? Один на один уже не получится. Базары разводить пустые тоже не о чем. Получается, что они пришли просто вкатать вражину в пляж. Поэтому и пришло их много, потому и взросляки подтянулись. Дело уголовщиной уже пахнет, ясно, что менты будут искать

виновника и найдут. А в этом случае, сами заводские останутся неотомщенными. А это неправильно. Они хотят свой приговор вынести, до того, как менты влезут на всю катушку. Потом уже всем будет все одно. Чистый и помытый с мамой под ручку пришел страшный преступник давать показания, или его принесли на носилках. Ментам надо дело закрыть, они его закроют. А вот заводские не зря силы подтянули, и место выбрали странное. Самая сердцевина пляжа. Так уж повелось, что драки обычно происходят ближе к лесу. Само собой так всегда получалось. Все тянутся туда, где есть дополнительные факторы. Есть где спрятаться, есть, где запутать, помотать противника, есть где и дрын прихватить. Не зря заводские время тянут, не начинают. Не в том дело, что ждут кого-то своего. Проверяют не придет ли кто еще к городским. И присматривают, чтобы никто не двинулся ближе к лесу, сдвинув планирующееся сражение ближе к спасительным деревьям и кустарникам. Взросляки может и не будут вмешиваться, но контролировать будут, чтобы никто не сбежал. Это даже почти честно. Если не считать того, что их минимум втрое больше. И взросляк-то подтянулся еще какой. Известная личность. Нервный, придурковатый. Но сидевший, и вроде при понятиях. Он уже не столько косяк со стороны взрослых, сколько честный урка, следящий, чтобы мальцы чего злого не сделали. На самом же деле, он-то первый не даст никому уйти от возмездия. Сам может в драку и не ползет, но ножку подставить, кто ж ему запретит.

Роль Пахи в этой истории рисовалась просто. Он должен подойти к взрослякам с той стороны, они ему пояснят происходящее, и он должен будет занять позицию такого же наблюдения за процессом. Это единственный вариант, который был приемлем в этой ситуации. И он присоединится и будет наблюдать, как из городских вышибают дух шесть десятков заводских ног. Даже варианта уйти нет. Раз он тут был, значит взросляки от городских были. И потом не скажешь, что их не было. И по новой заводским уже не предъявить и не вытащить их взросляк на разговор. Взросляки городских это не малолетки, эти уже ребята посерьезней. В городе секции, бокса, борьбы. У заводских взросляки или уголовники или алкоголики. Шансов со взросляками у заводских не было бы, но... и вот опять но. Паха здесь, и повода потом что-то предъявлять не будет. Раз один пришел, значит не скажешь, что не знали. Один знал, значит и другие могли знать.

Паха видел, как черная тучка у края реки расплзлась вдоль берега, и медленно, охватывая горстку городских с флангов, стала приближаться. Паху было хорошо видно на фоне светлого от лунного сияния неба, и в его сторону двинулись крупные мужские фигуры. Пришло время очевидному стать реальным. Паха достал еще одну сигарету, закурил и пошел в сторону приближающихся заводских. Гуськом за ним двинулись трое стоявших рядом ребят. Паха шел не спеша, как и подобает взрослому, среди детей. Для проверки,

слышат ли его те, кто шел сзади, спросил:

– «Слон», ты тут? – голову он не поворачивал.

– Да, тут, «Ракита».

– Слушай меня внимательно...

Вообще, малолетки шпана очень опасная. И глуп тот, кто этого не понимает. Именно в этом чудесном детском возрасте, как ни в каком другом, сильно работает инстинкт толпы. Немало наивных мужичков лишилось здоровья, забыв эту тонкую деталь, нежного возраста. Взросляки не принимают участия в разборках малолеток не только потому, что это неправильно, или они сильнее. Про силу речь вообще не идет. Тут вопрос интересов. Мелкие живут страстями, взрослый умом. Мелкие влюбляются и жаждут женщин, взрослые кормят семью, растят детей. Молодежь запальчива, агрессивна, мужик же холоден и расчетлив. Слишком разные это стихии. Одно дело совет дать, если у тебя спросили, или дать закурить, если у тебя попросили. Совсем другое, самому советы раздавать, а на просьбу о сигарете прочесть лекцию о вреде курения.

Как правило, если уж взросляки втянуты в разговор, то разговор они и ведут. Поэтому это и происходит только когда, что-то серьезное. Где нужны мозги, которыми мелкие, естественно еще не обладают. А вот такой выверт, как задумали заводские, это не просто глупо. Это опасно. Мало того, что они тут трутся. Так еще и позволяют малолеткам драться. Если малолетней волной накроет, то цунами покажется, лег-

ким вечерним бризом. Очевидно, что они думали об этом, и все сделали так, чтобы у городских не было шансов. Чтобы все закончилось быстро и беспощадно. Очень грустная получалась ситуация. И Паха в нее влез. И понимал, что уже не вылезти.

Кто бы сейчас со стороны городских не попытался сбегать, он всерьез подставит оставшихся. Это уже ясно, как божий день, в эту безбожную ночь. Любой ушедший, может пойти домой и рассказать отцу, о том что на реке малолеток стравливают взрослые мужики. В этом случае прибегут отцы. Мелких они просто распинают в стороны, а вот этим лбам достанется по полной. Их будут даже не бить, их будут забивать. Получится удрать, искать не станут, но скорее всего не получится. Не дадут. Будут бить пока кровью не зарыгают. Будут бить за детей.

Паха понимал, что задумали заводские, понимал он и то, что они знают, что он это понимает. Поэтому и торопятся подойти именно к нему. Перехватить инициативу, и заодно обойти десяток мнущихся городских еще и с тыла. Благо предлог есть. Типа говорить идут. Ситуация была очевидна до безвыходности. Но... нельзя недооценивать молодняка. Не та это стихия.

Паха подошел к группе городских, сзади него остановилась шедшая троица. Заводские еще не подошли, им оставалось метров десять. Городские приветствовали старшека, Паха на приветствия времени тратить не стал. Он оценил

физические данные каждого. Он уже не вспоминал кого как зовут, кого знает, кого нет. Он хладнокровно инспектировал имеющийся ресурс. На одном из ресурсов он остановил взгляд дольше, чем на других. Мальцу было лет восемь, если не меньше. Головастый, вихрастый, с огромными, широко распахнутыми глазами, в которых лунный свет сливался с ясной беззаботностью цвета дневного неба.

– Этого кто притащил? – Спросил Паха, и хоть он не пытался, у него получилось зло.

– Это братан мой, – ответил парнишка не многим старше своего синеглазого брата.

– Тогда порядок, – Паха повернулся к «Слону», – Башкой не крути, – тихо процедил он, – видишь, они нас от леса отрезают?

– Ну.

– Ты и эти двое, – Паха кивнул на двоих, рядом со «Слоном», – берете тех, кто справа, следите, чтобы к лесу никто не пошел. Постарайтесь выбить самых здоровых.

«Слон» молча посмотрел на толпу заводских. По его лицу было понятно, что задание найти здоровых несложное. На долгие обсуждения времени не было. Паха повернулся к остальным. Ваше дело центр. Устраивайте кучу. Тяните на себя внимание. Я возьму старшекков.

– Они вроде говорить пришли, – без надежды в голосе, произнес «Слон».

– Вот и поговорим, – отрезал Паха и пристально посмот-

рел на самого мелкого, синеглазого мальчугана.

– Тебе будет самое важное задание.

Тот тяжело сглотнул.

– Когда я начну говорить со старшеками, ты ждешь десять секунд и бежишь в сторону города. За холмом поворачиваешь и чешешь в сторону леса. Там шалаш есть, знаешь?

– Да, – пискнул мальчуган.

– Под навесом, под плетеной сидухой, там дрын мой лежит. Возьми его и уже напрямки возвращайся. Найдешь, не найдешь, специально не ищи. Хватай все, что есть. Что потяжелее бери. Сушняк не бери.

– Понял, – мальчуган оживился, поняв, наконец, что про важность задания была не шутка и ему не отворот поворот дают, а реально важное поручение.

– Так, вы двое, – Паха кивнул в сторону брата синеглазого и еще одного, сублильного паренька, – ваша задача, этот малец. Он должен до леса дойти. Вы идете ему навстречу по берегу. «Слон» вас прикрывает, вроде как отступаете. Полпути пройдете, дальше лупите во все подковы, дрын здесь должны быть через пять минут. Больше мы не продержимся. Если кто увяжется, в драку не лезть. Кидайтесь в ноги, валите на землю и дальше к лесу. Все поняли?

– Да, – чуть не хором ответила молодежь. Адреналин начал поступать в кровь. Кого-то уже трясло. Паха повернулся к «Слону».

– Ты задачу понял?

– Пацанов прикрыть, пока они к лесу будут пробиваться.

– Все верно. А ты? – Паха зыркнул на синеглазого мальчугана.

– Сделаю, «Ракита».

Паха помолчал несколько секунд. Времени у него не осталось. Заводские сбавили шаг, давая поговорить городским, но они приближались. А подойти совсем близко, им нельзя было давать. Паха вздохнул и сказал напоследок:

– Из больницы выйду, все ребра вам пересчитаю, – и он направился навстречу заводским.

Разговор был обычным. Поздоровались, перекинулись парой слов, Паха начал слушать долгую, обоснованную претензию. Но в голове его не оседало ни единого слова. Как в тумане он плыл, во времени, которое стучало в висках каждую новую секунду. Бухало и отдавалось то в животе, то в районе копчика. Он старался сдерживать дыхание, чтобы не выдать волнения. В голове бухнуло девятый раз и глаза Пахи прищурились. Он уже не боялся. Прошло время страха. Теперь он думал только о том, чтобы малец точно отсчитал десять секунд. Где-то в глубине души, Паха надеялся, верил, жила в его душе тайная, неверная мечта, что он ошибся и бегство одного из городских не вызовет, того, что должно вызвать. Что заводские действительно хотят поговорить, может и подражаться, но не этот мерзостный трюк с обычной бойней, перед официальным милицейским следствием. Все бы

Паха отдал, чтобы ошибиться. Но он не ошибся. Последняя секунда тянулась вечность. Казалось, что воздуха не хватит дожидаться. Давление в голове уже давило на глаза, и хотелось надавить на них снаружи, чтобы они не вылезли из орбит. Гудела голова, рот Пахи скривился. В этот момент, внимание заводских мужиков переключилось за спину Пахи.

– Один тикает, – крикнул над ухом нервный урка, и это сработало, как сигнал. Паха не готовился, не думал, что будет делать, когда начнется. Все уже было в руках рефлексов. Взросляки заводских дернулись к холму. Стоявший перед Пахой посмотрел на него, еще не решив что делать, как собрать ситуацию в кучу. Драка сейчас могла сбить планы, рассеять контроль. Вырвать инициативу. Но думать ему долго не пришлось. Не целясь, не готовясь, не принимая удобной позиции, Паха наотмашь послал кулак в голову противника. Попал хорошо, не вскользь. Мужик отошел на несколько шагов и схватился за лицо. Остальные стоявшие ближе, кинулись на Паху. Тот лишь мельком успел глянуть и заметить, как вокруг еще одной отчаянной фигуры сгустилась толпа заводских. Паха мог только догадываться, что это наверное, был «Слон». Крупная была фигура.

Первый подлетевший к Пахе полетел через голову на землю. В хоккее такой прием называют – «взять на бедро». В дзюдо, подобный бросок назван – «бросок через бедро». Но хоккеей потому и считается игрой для самых крепких, потому что там все сильнее и разрушительней. В дзюдо противник

летит увлекаемый лишь своим весом, в хоккее же его толкает кинетическая энергия прерванного движения. Пахин противник стал на несколько мгновений истинным хоккеистом, потому что с земли он поднялся не сразу.

Следующий, поняв, что впереди уже нет товарища, шаг успел сбавить, но это его не уберегло от наработанного броска через то же самое бедро. В этот раз Пахе пришлось немного прихватить одежду и потянуть парня, тот полетел на товарища и по разлетевшемуся над пляжем мату, было понятно, что приземлился он неудачно.

Но удача покинула и Паху. Его сбили с ног, навалились толпой. Он пытался маневрировать и кидать не глядя кулаки, но его удары тонули в ночном воздухе, а кулаки противников уверенно и точно отбивали все новые и новые секунды в Пахиной голове. Гул и звон в ушах уже сплавился в единое, ватное множество горячего безразличия. Не хватало дыхания, силы гасли с каждой секундой. Уже не на удары уходила вся мощь, оставшаяся в организме, а на безрезультатные попытки подняться.

И вдруг что-то изменилось. Паха уже не видел. Его много раз брошенная в сторону и полыхавшая раз за разом вспышками голова не могла различить происходящего. Даже сфокусировать взгляд на чем-то одном не получалось. Он и не увидел, что произошло. Он это почувствовал. Это почувствовали все. Это передалось с дыханием, с потом, с кровью. На миг все словно замерли. Весь мир, река, луна больше не

ползла по небу, пробираясь к горизонту. Все стихло, померкло. И в следующий миг взорвалось новой жизнью, новой атакой. Что случилось, и как это было, Паха не знал. Но в какой-то момент, остатки городских вдруг слились в истерзанную и злую группу. Их было немного, но это и не имело значения. Малышне не надо много, им надо вместе. И вместе, в едином порыве они метнулись в сторону своего главного оружия, своего сверхмощного и верного спасителя. Своего бога и повелителя. Своей веры и надежды. Своего авторитетного старшека.

В последнем приступе стихийной смелости и отчаяния они кинулись на толпу самых крупных заводских, метеливших уже почти не защищавшегося Паху «Ракиту». У них не было шансов победить. Они и не пытались. Они даже не стоваривались. Они сбивали с ног, валили, впивались зубами во все, до чего могли дотянуться. До этого покрытый воплями храбрости и мата пляж, накрыла новая волна. Волна завываний от боли.

Паха сам не понял, как оказался совершенно один. Никто больше не держал его, не наваливался, не ломал руки не бил в лицо. Его вмиг оставили. Он тряс головой, силясь рассмотреть, что происходит, но не мог ничего понять. Свара сползла с него и теперь суетилась рядом. Чувств не было, тело наполненное гудением воспаленных нервов и адреналином, ничего не испытывало. Кроме одного. Холода в правой ладони. Он повернул голову и четко, совершенно ясно

разобрал лицо самого мелкого синеглазого мальчишки. Лицо с размазанной по щеке кровью, с растрепанными волосами, измазанное грязное и поцарапанное. Лицо это светилось. Слезы лились из этих неестественно светлых глаз. Ясных и преданных, с мольбой и радостью глядящих на Паху. Отчего он плакал? От беспомощности или от азарта? От боли или разочарования? Может от собственного бессилия помочь хоть кому-то, хоть собственному брату. Паха опустил глаза и понял, что привлекло его. В саднящей руке он ощущал холод рукоятки увесистой дубины, когда-то выструганной на случай очередной баталии.

Дальше это воспоминание меркло. Не помнил Павел, ни как он тогда поднялся, ни что делал. Все дальнейшее представляло набор мозаичных, рваных воспоминаний. Какие-то лица, руки, чья-то рваная рубаха. Потом разговор с отцом. Но когда был этот разговор? Сразу ли после драки, или спустя какое-то время. Паха спас честь всех взрослых в тот день и надолго стал самой яркой легендой района. Даже взрослые мужики его стали узнавать и здороваться. Даже те, кого он не знал. Возможно отцы чьи-то или старшие братья. Видимо, наскладывали мальцы историй. Паху стали частенько звать на различные разговоры-переговоры. Его стали не просто слушать. Его слово получило особый вес. Павел точно помнил, что именно в то время он стал внимательнее относиться к тому, что говорит. Авторитет, это ответственность.

Так заканчивалось третье, самое яркое из трех детских воспоминаний Павла.

Глава 2

Четвертое воспоминание

Павел никогда не добивался ничего рьяно. Но нельзя сказать, чтобы он плыл по течению. Судьба была к нему благосклонна, у него получалось то, что он делал. Если он ставил задачу, то выполнял ее. Он не старался ставить себе сложные или легкие задачи. С детства он знал, что мужчина должен жениться, у него должны быть дети, он должен работать. Как работал машинист отец. Как работала мать, диспетчер на сортировочной станции. Жизнь состоит не только из великих целей, великие цели складываются из множества маленьких задач и планов. И вот эти задачи и планы, Павел выполнял ловко и удачливо. Надо было учиться в школе. Он не был отличником, но и двоек у него не было. За все время была пара двоек, но это были столь уникальные события, что мать ходила в школу разбираться. Сам Павел и не помнил этих оценок и их причин. Только со слов матери. Одна из двоек была по математике, но причина оказалась в поведении. Вторая по физкультуре. Однажды, на непозволительный тон учителя, предложил учителю пойти куда подальше, после чего, гордо покинул урок. Учитель в бешенстве, даже

прорвав страницу дневника, вдавил жирную пару, и приписал прогул. Потребовал пригласить родителей.

После школы у Павла уже была невеста. Милая девушка из заводских кварталов, хорошая и внешне и внутренне, покладистая, не истеричная и преданная. Странно, но она почти не осталась в воспоминаниях. Павел не раз пытался припомнить ее имя, но оно терялось и путалось. Он временами был совершенно уверен, что звали его невесту Елена. Но иногда ему казалось, что Елена это другая девушка, которую он встретил до... невесты. Потерялось только имя, лицо он ее помнил прекрасно. А вот имя не хотело цепляться, выкарабкиваться из закоулков памяти. И что интересно, в этом случае, с невестой, память вела себя совершенно естественно. Чем дольше и чаще возвращался к ней в своих мыслях Павел, тем образ ее становился все более размытым, а имя сомнительным. Каждый раз, думая о ней, Павел понимал, что от нее уже почти ничего не осталось.

Павел призвался в армию в тысяча девятьсот семьдесят девятом году. Ушел, можно сказать прямо из ПТУ, где учился на машиниста. И дальше начинался хоровод рваных, зачастую мало чем связанных и ненужных воспоминаний. Иные из них были яркие, будто происходило это только вчера, другие померкли, затерлись. Это не были провалы в памяти в полном понимании. Свою жизнь Павел мог рассказать подробно. Память начинала подводить, когда хотелось вспомнить подробно, точно воссоздать картину минувшего.

Он помнил коридоры. Помнил окна. Учебку и офицеров. Помнил комнаты и плакаты с наглядными пособиями. Одно-го сержанта помнил очень хорошо. Его торчащие уши, злые, маленькие глазки. Помнил запахи. Некоторые застряли в голове сильно. Стоило встретить в жизни подобный запах и возникало воспоминание.

Суета. Подъем. Сонные, напряженные лица. Ночная тревога и выдача боевого оружия. Самым сильным переживанием того времени было ощущение важности происходящего. Ты держишь автомат не потому, что тебе это разрешили, выдали для выполнения учебного задания, а когда это твой инструмент, твое оружие для достижения высшей цели. Когда он естественная часть тебя, потому что ты умеешь с ним обращаться. Потому что ты военный.

В ту далекую ночь все стали равны. В эту ночь, в эти переполненные эйфорией часы со старослужащим можно было говорить, как с равным. Все делали одно, общее дело.

К неуставным отношениям в армии у Павла было спокойное отношение. Он знал что они есть везде и всегда. Он был к ним готов. Есть устав, и есть люди. Так же как и закон на гражданке. Есть закон, а есть пляж и драка, где парни решают свои вопросы по своему, так как их положено решать.

Со временем дедовщина стала раздражать, но не сама дедовщина, а некоторые представители в нее вплетенные. Конечно, молодых надо учить. Конечно, за глупость надо наказывать. Конечно, и детей хлещут ремнем за провинности

их отцы. И никогда не бывает наоборот. Вот только одно дело наказывать за проступок или глупость, совсем другое забить до смерти. Или инвалидности. В целом, мнение по поводу подобных инцидентов у Павла совпадало с мнением офицеров. Причины были разные, но вот отношение схожее. Офицерам вызванные чьей-то смертью или инвалидностью ЧП были без надобности. За это их не гладило по голове начальство. Так как мнение здесь сходилось у многих, то и результат был соответствующим. Те, кто портил другим жизнь, создавая ЧП, а заодно и калеча чью-то жизнь, оказывались в условиях затянувшихся «дембельских проводов». Для подобных личностей время получения благодарности от воспитанников офицеры старались продлить, задерживая их в части подольше. Семьдесят девятый год, для этих личностей и вовсе стал проклятым. Их провожали из рядов вооруженных сил СССР под аккомпанемент автоматных очередей и штык ножей. В отличие от других, им подобных, вернувшихся домой с ярким, впечатляющим бланшем, эти вернулись с посмертными медалями.

Именно в то время, об этом Павел часто думал, где-то, во времена учебки у него появилась странная способность. Может, появилась она раньше, но там он ее в себе заметил. Это была способность складывать все предлагаемые обстоятельства и принимать на их основе решение. Станным в этой особенности было то, что в отличие от обычных людей, способных к стратегии, у Павла эта способность работала са-

мостоятельно. Решения словно выпрыгивали ниоткуда. В какой-то момент он вдруг понимал, что надо делать и тут же это делал. И осечек не было. Никогда.

Во взводе Павла были две интересные личности. Один был рядовым, как и сам Павел, с его призыва, вторая личность была сержантом. Сержанта Павел запомнил очень хорошо. Его нос, губы, непропорциональное лицо, слишком вытянуто и немного, будто скрученное вокруг оси. Голова у него была большая, похожая на огромное яйцо, которое кто-то надел на узкоплечее туловище и когда прикручивал, то немного свернул саму голову. И торчащие двумя лопухами уши. Сержант этот зверствовал особенно рьяно. Он орал и метал кулаки, когда надо и когда не надо. Если солдат падал, то сержант не унимался, он лишь входил в остервенение. Он пинал лежащего, целясь ударить по почкам, в лицо, в живот. Если не получалось, то он бил до тех пор, пока не получится, пока не попадет. Он умел доводить пацанов до слез. За глаза его называли просто – «фашист».

Рядовой, на которого обратил внимание Павел, был невысоким, крепким, но не мощным, парнишкой. С красивым, спокойным лицом, светлыми волосами и темными, блестящими глазами. Звали парнишку Булат. Всегда спокойный, неразговорчивый, хотя и не молчун. Иногда он смотрел с прищуром, прямо, неподвижно. Павел обратил внимание на этот взгляд. Однажды, когда шел по плацу. Булат стоял и смотрел в сторону главных ворот части. Стоял неподвижно,

и только взгляд – живой, решительный, пристальный. Павел пошел дальше.

Однажды, когда «фашист» выдавал программу карательных действий за неудачно проведенные стрельбы, досталось и Булату. Чем именно привлек сержанта именно Булат Павел не помнил. Он лишь помнил, что сержант схватил Булата за грудки, выволок к двери и со всей силы, наотмашь двинул тому в скулу. Тут же подался вперед, чтобы начать катать по полу ногами, но наткнулся на грудь Булата, который к удивлению «фашиста» не упал, а на миг отшатнувшись, вернулся в вертикальное положение. Ярости сержанта не было предела. Он лупил Булата не останавливаясь. Пошла кровь. Нельзя было разобрать чья она, то ли это не выдержала кожа на кулаке сержанта, то ли кровоточило лицо Булата. Удары сыпались один за другим, слышалось разгоряченное дыхание сержанта, его матерные выкрики и оскорбительные слова. Он свалил-таки Булата на пол и стал бить ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.